

Глава 4. Илион

Проект Илион продолжал накапливать информацию – ежедневно тестировались десятки людей, заполнялись сотни анкет, чтобы затем превратить их в оцифрованные мегабайты статистических данных. Специалисты-аналитики пытались разложить текст троянца, используя самые различные методы и подходы: подсчитывая соотношение существительных, прилагательных и глаголов, переводя текст на другие языки и обратно, раскладывая текст по морфемам, выискивая корреляции между производимым эффектом и личностными характеристиками читателей-добровольцев... И каждый вечер члены группы собирались за большим столом, где, забывая об остывающем кофе, делились друг с другом свежими результатами, не дожидаясь их формального изложения в отчетах и протоколах.

Эффект троянца подтвердился в полной мере в первый же день, хотя и не совсем так, как они этого ожидали. Оказалось, что в том случае, когда идея, скрывающаяся в троянце, уже известна человеку, стала принятой им и ожидается при прочтении текста – в этом случае ее связь с троянцем проследить очень сложно ввиду того, что у читателя она не проявляется как новое откровение, но лишь получает некоторое усиление своего присутствия.

Поэтому практически ни один из участников группы, которым были вручены конверты, не обнаружил в тексте ничего особенного, на что можно было бы обратить внимание. Учитывая формат и общее содержание текста, это привело их к выводу, что троянец является не более чем мистификацией, и что проблема не стоит и выеденного яйца. В этом мнении ученые пребывали пару часов, успев охарактеризовать проект как “самое короткое исследование в своей жизни” – до тех пор, пока к ним не присоединился психолог, прибывший в центр поздно ночью из северного штата, и проспавший всё заседание, как настоящий профессионал, знающий цену собраниям и конференциям. Когда его разбудили и вручили конверт, он вернулся к себе в номер, где раскрыл пакет и с немалым удивлением ознакомился с содержимым. После этого он, зная, как умеют шутить его коллеги (подобными розыгрышами он не гнушался и сам), спустился в холл, где услышал их смех и шутки над недалекими политиками... И в следующую минуту произошло то, что стало началом работы над проектом – уже не номинальным, но фактическим.

Услышав то, о чем они говорят, и осознав вдруг внутри себя те самые образы, которых остальные так остроумно высмеивали, он мгновенно сообразил суть происходящего и сразу забыл о своей досаде в адрес неизвестных шутников. Вместо этого он резко попросил замолчать тех, кто со смехом обсуждал “мистификацию”, дождался внимания и поделился с ними теми ощущениями, которые этот текст вызвал у него самого. Его речь была недолгой, причем заключительная часть прошла в полной тишине. Едва он закончил, как в зале раздались несколько хлопков – по своим лбам и лысынам ударили ладонями те, кто только что сообразил причину отсутствия у них эффекта троянца. Кто-то громко воскликнул, озвучив ту мысль, которая посетила всех присутствующих: “Транспарентность из-за отсутствия новизны!”

На единственного испытанного эффект набросились все окружающие, устроив ему допрос с пристрастием: “Как это проявилось?“, “Можете дать четкую формулировку образа?“, “В какой момент возникло это осознание?”... Психолог не успевал всем отвечать, пытаясь дать доступное определение тем смутным ощущениям, которые испытывал, и которые становились тем менее отчетливей, чем большей конкретики от него требовались. В самый разгар обсуждения им доставили первую порцию анкет, собранных с добровольцев, которым исполнительные подчиненные Тайлера успели “скормить” троянца... Через полчаса в лабораториях закипела работа.

Выяснилось, что эффект от чтения текста не однородный, степень осознания и четкость формулировки внутренней убежденности зависели от того, насколько легко человек понимает его, варьируясь от едва уловимого следа эффекта у малограмотных, до быстро формирующегося ощущения у начитанных, восприимчивых и обладающих развитым воображением нативных носителей языка. Скорость формирования образа определялась множеством факторов – полом, возрастом, образованием, интеллектом, склонностью к фантазии, конституцией, и обычно укладывалась в интервал от нескольких минут до суток.

Быстро обнаружили, что при слушании аудио-начитанного текста эффект сохраняет свои основные черты, хотя скорость надиктовки должна быть при этом точно синхронизирована с индивидуальной скоростью, с которой слушатель способен воспринимать нарратив – что создавало несколько больший разброс реакций, чем при чтении текста.

В течение нескольких следующих дней все успехи группы ограничивались подобными результатами – объем собранных статистических данных увеличивался, однако сам механизм троянца продолжал оставаться тайной. Наверху с нетерпением ждали ответа на этот вопрос, регулярно справляясь у Тайлера о достигнутых успехах. Добытого материала было достаточно для того, чтобы скомпоновать внушительный и убедительный отчет, демонстрирующий плодотворно кипящие исследовательские процессы – и при других обстоятельствах Тайлер Мун так бы и поступил. Однако сейчас он понимал, что это тот случай, когда карьера зависит не от рапортов, а от результатов. Поэтому он ограничился телефонным звонком Уинстону с просьбой потерпеть еще несколько дней: “Делать выводы слишком рано – в настоящий момент большая часть ответов, которые мы получаем, являются отрицательными, что позволяет нам отсеивать ложные предположения, сужая спектр возможных вариантов. Но их все еще слишком много. Идеи носятся в воздухе, мы ждем прорыва со дня на день”.

“Привет, дружище!

Вчерашние материалы, которые я тебе отправил, можешь выбросить в корзину – только что выяснилось, что их собрали в спешке с тех, кто успел услышать об эффекте до ознакомления с текстом. За весь свой опыт работы я ни разу не видел, чтобы ответственность лаборантов хоть как-нибудь коррелировала с важностью проекта, в котором они участвуют... Ты только не спеши морщиться – я уже вижу твое выражение лица. На самом деле мои жалобы только начинаются.

*Рад, что ты еще не потерял интереса к нашему проекту, но не удивлюсь, если ты скоро пожалеешь о том, что связался с ним. Похоже, что мы завязли в этом деле по самые... ладно, пусть будет – по самую *musculus gluteus maximus*. Впрочем, ты и сам наверное это уже мог понять по тем данным, которые я тебе высылаю. Несмотря на этих бездарей, единственное, чем мы до сих пор можем похвастаться – это статистические материалы, опросники и более-менее каталогизированный спред реакций.*

Текст однозначно работает, и работает с потрясающей силой и эффективностью. Мы видим то, что он делает, мы наблюдаем некую “магию”, мы круглосуточно водим хороводы вокруг артефакта, который ее производит – но результатов ноль. Ни одной работоспособной идеи, которая не была бы опровергнута на следующий день, до сих пор не появилось. Каждый вечер мы собираемся вместе – полтора десятка дипломированных лбов усаживаются друг перед другом, пьют отвратительный кофе и тужатся друг перед другом, пытаются генерировать идеи. И твой покорный слуга также участвует в этом спектакле... Честное слово – ты ничего не потерял, оставшись “за кадром”, потому, что, со своей любовью к едким комментариям, ты бы уже давно охарактеризовал это лицедейство теми словами, которые оно заслуживает. Мы называем это

“мозговым штурмом”, хотя, на мой взгляд, больше всего этому подошло бы название “коллективный плач в жилетку больных хроническим запором”.

Извини, мне нужно было выговориться. Я могу сделать это только здесь, в переписке с тобой, так как о том, что у нас происходит, распространяться нельзя даже родным, а делиться этими эмоциями внутри группы я не хочу – боюсь обнаружить слишком много единомышленников. Пока ещё нам удастся изображать друг перед другом оптимизм и творческий огонь – пусть эта иллюзия продержится дольше.

На этом лирическая часть заканчивается, далее пойдет то, что (надеюсь) оправдывает преамбулу.

Несмотря на временные рамки, в которые мы изначально были поставлены, нам все-таки удалось собрать достаточно данных, чтобы прийти к некоторым определенным тезисам, способным выполнить роль фундамента. Как ты знаешь, сложность сбора данных заключалась не только в ограниченном времени (начальство группы дало нам меньше недели), но и в самом характере исследования – каждый субъект может быть проведен через тест лишь один раз. Как ты понимаешь, это условие исключает возможность детальной оценки влияния на результат индивидуальных качеств реципиента. Каждый субъект может выдать лишь одну реакцию, трактовка которой всегда начинается “с нуля”, т.к. отсутствует информация его альтернативного ответа в иных условиях и вариантах подачи текста. Поэтому релевантность интерпретации реакции на сам текст в каждом индивидуальном случае далека от желаемой.

Перечислять все наши попытки обработки этих материалов я не стану – они есть во вложениях. Последняя из опробованных методик – морфемный анализ – также ничего не дала, как и многие другие до неё, взятые из походного набора наших структурных лингвистов – еще недавно бывших “надеждой и опорой Илиона”. В последние дни они заметно притихли, и на вечерних собраниях теперь предпочитают отсиживаться в тени. Но видел бы ты, какими героями они расхаживали по нашим кабинетам до этого, царапая носами потолок!..

Впрочем, некоторые результаты есть. В частности, тебе будет интересно узнать, что усвоившие текст способны делиться им, не замечая этого. Сформированное убеждение, содержащееся в тексте, влияет на дальнейшие суждения субъекта – присутствие этого образа удалось выловить в косвенных опросниках. Причем проникновение этого скрытого содержания превосходит все пределы воображаемого – человек, инкорпорировавший второй план троянца, может невзначай сформулировать его в форме аудио контента, графических образов и даже поступков.

Формулировка этого знания/убежденности/откровения/мнения (называй, как хочешь, тут до драк доходит в попытке выработать единый термин), которое создается под влиянием текста, сильно варьируется – опять-таки, в зависимости от уймы индивидуальных параметров. Впрочем, все эти варианты в обобщенной форме могут быть сведены к единому смысловому конструкту. После долгого обсуждения нами был составлен перечень централизованных формулировок для ряда категорий опрошенных лиц с указанием эмоционального состояния, зафиксированного после того, как текст проявлял свой эффект. Перечисляю эти варианты с указанием типажей их источников:

1. “реальный мир изменяется, если достаточно сильно воображаешь его альтернативу” – несколько типичных представителей молодежной субкультуры (нерефлексивно-восторженно), спред вариаций формулировок крайне узкий в силу чрезвычайно шаблонизированного мышления и стандартизованных образов, которые выступают в качестве трендообразующих ядер для всех представителей данной соцгруппы;

2. “если вначале было Слово, которое создало мир, почему бы сейчас не найтись кому-нибудь, способному его переписать?..” – женщина, 35 лет (тревога и испуг), религиозна, домохозяйка, интересы: ребенок, телевизор, подруги;
3. “впечатление, словно у реальности есть какой-то абстрактный класс, который ты дописываешь, а реальные объекты меняют при этом свой функционал...” – программист, 33 года (недоумение, растерянность), интересы: формальные языки, кодирование, карьера;
4. “я и раньше знал, что мои установки восприятия и ожидания к структуре реальности изначально предопределены, но теперь мне кажется, что существует способ дополнить их таким образом, который бы... создал новые пласты реальности?..” – один из членов группы, психолог, 54 года (озадаченно), интересы: рыбалка, история, публицистика;
5. “представьте себе информационную модель, которая связана не только прямой, но и обратной связью с прототипом – т.е. на этом прототипе отражаются все её изменения; прототип реализует в себе те новые категории, которыми дополняется эта модель, и которые ранее не входили в перечень эмпирического опыта на момент её описания” – математик, 72 года (бесстрастно), вдовец, хобби: музыка, садоводство;

На этом перечне я заканчиваю письмо. Все комментарии, которые он может вызвать, были изложены в самом начале. Лелею надежду, что человек, находящийся вне прессинга нашего регламента, при взгляде со стороны сможет извлечь из этого больше, чем до сих пор удалось нам. Я же ложусь спать, потому, что через пять часов мне возвращаться в стены нашего Илиона.

А *propos*: судя по некоторым неподконтрольным нам тенденциям, через неделю круг наших подопытных настолько расширится, что ты сможешь собирать статистику, просто выглядывая из окна. Полагаю, ты понимаешь, о чем я. Впрочем, мы надеемся, что к этому моменту успеем что-нибудь найти и будем готовы к такому развитию событий. Но и ты держи руку на пульсе и внимательно смотри по сторонам.”

Те детали, которые не попадали в корреспонденцию Стиана, Брайан извлекал из куда более сухих, но не менее информативных писем Пауэлла. Из них он узнал о голографическом характере скрытой части троянца: “...при фрагментарном искажении текста или сокращении его объема эффект значительно ослабляется, не пропадая, впрочем, полностью, при этом внятность формулировки падает по колоколу нормального распределения. Установить преимущество какой-либо части текста над остальными не удалось.”

Далее Пауэлл, как всякий прагматик, не забывающий в любой научной проблеме о её практической ценности, рассказывал Брайану о том, что определение троянца свели к следующей формулировке: “сообщение, способное доносить до адресата новые идеи, не задействуя механизмы осознания; идеи, выраженные качественно новым способом, получающие впоследствии высшую степень признания, наравне с усвоенными из сознательного опыта”. Различные упоминания о том, что текст якобы способен менять реальность, зафиксированные в отзывах респондентов, посчитали вынужденной метафорой, созданной *ad hoc* в попытках выразить тот эффект необычности, который присущ самому ощущению.

Тэд Пауэлл в некотором отношении являл собой полную противоположность Стиану – он уделял внимание таким нюансам, которые для Стиана даже не существовали. В частности, Пауэлл счел нужным сообщить, что в окончательном виде эта формулировка сложилась под давлением менеджера – тот знал, чего именно ждут от них высокопоставленные заказчики, и решительно противился сохранению в ней каких-либо онтологических оборотов, на которых настаивали некоторые ученые. Также Тэд упомянул о том, какое воодушевление вызвало у куратора группы сообщение о том, что троянец, в отличие от классического внушения, обходится без транса, не нуждается во введении

субъекта в особое состояние, не требует подготовки пациента и не имеет пост-эффектов выхода из этого состояния. Текст легко усваивался даже при рассеянном машинальном чтении, вроде пролистывания новостей в бульварной прессе между остановками метро.

Вся эта информация методично раскладывалась Брайаном в компьютере по каталогам, заполняя файлы с перекрестными ссылками и обрастая его собственными комментариями. Как и для всей группы Илион, троянец для него пока еще представлял один сплошной вопрос.

Когда Стиан предупреждал Брайана о том, чтобы тот внимательно смотрел вокруг, он делал это не ради красивого оборота. Чем дальше группа изучала феномен троянца, тем меньше у них было сомнений в том, что тот, продолжающий свое распространение в свободной сети, обязательно привлечет к себе внимание простого люда. Оставалось лишь неясным – в какую форму выльется реакция на него.

Шли дни. Пока группа искала подступы к разбору механизмов текста, он постепенно выбрался за пределы локальных молодежных форумов, засветился на популярных ресурсах, откуда его растащили по всем популярным соцсетям. В течение нескольких суток он прописался на форумах-миллионниках, после чего быстро перевалил через порог эпидемического распространения – став во всех смыслах слова вирусным текстом. Первоначальное насмешливое недоверие, с которым общество встречало описание эффекта, когда тот еще воспринимался как обычный ажиотаж вокруг молодежного тренда, рассеивалось тем быстрее, чем шире становилась его аудитория. Если фокус первой реакции в основном приходился на тех, кто прочел текст и поверил в его “магическую силу” (над адептами “зомби-рассказа” откровенно и безжалостно потешались), то по мере его распространения все больше критиканов и остряков, побуждаемых естественным любопытством, знакомились с материалом и ощущало на себе его эффект – что перемещало фокус на сам текст, на те неведомые механизмы, которыми он осуществлял свое внушение.

Дальше произошло то, что происходило уже не раз: соотношение “легкомысленных обывателей” и “адекватных представителей нормы” стало быстро меняться, пока не достигло порога, на котором термины резко поменялись местами. Это событие произошло неожиданно для всех, в том числе для тех, кто искренне верил в свойства текста – наступил день, когда они обнаружили, что их мнение стало позицией большинства, а скептики, еще вчера высмеивавшие их, рассеялись, замолчали или примкнули к их лагерю.

Текст медленно, но уверенно захватывал общественный менталитет, неумолимо подчиняя себе всех разговаривавших на языке, на котором он был написан. Отношение к внушаемой им идее ни на что не влияло – если человек был абсолютно неподготовленным, он вскорости обнаруживал в себе этот образ, в противном случае он просто кивал головой, не отрицая вероятность того, что тот “имеет место быть”. И так как у каждого из прочитавших текст эта идея принимала такой вид, который был понятен и приемлем для него самого, возражений против нее не возникало ни у кого.

Естественно, миллионы домашних экспертов, имеющих аргументированное мнение по любому вопросу окружающего мира, тут же принялись за обсуждение этого феномена. Создавались версии массового внушения, коварно проводимого кем-то неизвестным, знатоками предмета производился обстоятельный филологический анализ текста, раскрывавший все его “межстрочные смысловые пласты”, возникали яростные дискуссии по поводу подлинности эффекта, до хрипоты спорили о его содержании... Как всегда, почти все эти сетевые баталии быстро переходили в привычные для их участников диспуты о компетенции дискусионеров, и заканчивалась уничижительными (и, в основном, абсолютно верными) характеристиками интеллектуального уровня друг друга. А так как все эти споры происходили на публичных форумах и соцплощадках, это еще больше усилило популярность текста, потому что подобные зрелища привлекали зрителей еще с античных времен.

Стали искать тех, кому это может быть выгодно – и, конечно же, находили немало убедительных ответов на эти вопросы, каждый из которых противоречил всем остальным и нередко – себе самому. Рассказ расходился тем быстрее, чем более подлинный ужас он вызывал – сказалась психология обывателей, запертых внутри своей однообразной реальности и соскучившихся по острым ощущениям и новому материалу для привычных переживаний. Так получилось, что распространение вируса совпало с окончательной смертью киноиндустрии – в последнее время она перестала справляться со своей ролью фабрики грез: все жанры давно уже стали похожими один на другой, превратившись в обесцвеченную инклюзивную кашу, в которой безликие и бесполые персонажи совершали одни и те же алогичные действия, отыгрывая клишированные сценарии, лишённые малейшей творческой искры и оригинальности. Труп Голливуда еще мог удивить и даже ужаснуть немногих сохранивших вменяемость кинокритиков, однако сами зрители ждали от него иных страхов и волнений, нежели те, которые могло дать созерцание разлагающегося тела индустрии развлечений. Общество отчаянно нуждалось в новом источнике эмоций и предметов для обсуждений – и обрело его в троянце.

Каждый слой общества по-своему реагировал на распространение текста: чем более образованный и развитый человек ознакамливался с ним, тем раньше наступало проявление его эффекта, тем большими нюансами была обогащена осознанная в результате идея. И наоборот – у самых примитивных обывателей, приверженцев телешоу и малознакомых с образным мышлением людей (в число которых, кстати, попадало немало тех, кто регулярно имел дело с абстракциями по роду своей профессиональной деятельности, например, представителей IT-области) – эффект мог обнаружиться через сутки. Эти различия добавляли волнений и создавали дополнительный материал для споров и обсуждений, доходивших в некоторых случаях до рукоприкладства – люди, склонные к быстрому реагированию на угрозу, направляли свою агрессию на тех, от кого они получали текст, подозревая их в попытке “загипнотизировать” себя, а расхождение в формулировках могло послужить причиной кровавых разборок: *“Ты что мне голову морочишь?! Я же совсем иное чувствую! Может, ты из этих?!...”*

В общем, очень скоро общественная реакция сменилась на противоположную изначальной – текст стал главным топиком, потеснив тренды остальных обсуждений, и в считанные дни превратился из популярной сплетни домохозяйек в злободневную остросюжетную новость, обсуждавшуюся на уровне катаклизмов и эпидемий. Развиваясь экспоненциально, что было типично для любой вирусной атаки, этот переход осуществил количественно-качественный переход уже ко второй неделе интенсивной дистрибуции троянца.

Такой же типичной была и реакция государства на эту эпидемию. Примерно первые две трети этого периода самые ответственные лица, изучая отчеты службы соцмониторинга, были уверены в том, что лучшим ответом на эту ситуацию будет “сохранение лица” путем полного игнорирования ее: “Это успокоит общество и даст ему понять, что какие-либо поводы для волнений отсутствуют, поскольку вообще нет ничего, достойного обсуждения”. Такое решение приняли на уровне главных лиц государства, среди которых Уинстон выступал в роли исполнителя, поэтому ему ничего не оставалось, кроме как прибыть в группу Илион и сообщить всем, что несмотря на то, что троянец получил определенную известность в среде обывателей, пока нет никаких причин отвлекаться от своих задач – работа продолжается в прежнем формате. Наверху ждут, что волнения утихнут сами собой.

Тайлер в ответ на это кивнул головой, решив не говорить Уинстону о том, что в группе эти события также находились под пристальным вниманием. С каждым днем росла обеспокоенность, с которой они обсуждали происходящие процессы, делясь предположениями и высказывая аргументированные опасения, которые, бывало, подтверждались через день-другой – что еще больше усиливало негатив всей ситуации. Поэтому, когда в Илионе услышали о таком решении правительства, ученое сообщество взорвалось негодованием. Больше всего их задело то, что с ними никто не посоветовался,

несмотря на то, что они – профильные специалисты! – круглые сутки занимались этой проблемой и были, что называется, под рукой. Они тут же высказали Тайлеру все, что думали об интеллекте политического истеблишмента (наивно полагая, что сообщают ему что-то новое), а в заключение напомнили, что в эпоху интернета пролиферация инфо-вирусов происходит быстрее, чем в сознании потребителей затухает эффект их воздействия: “Передайте, пожалуйста, советнику, что их привычные методы нужно было оставить в XX веке!” После чего группа “хлопнула дверью”, разойдясь на выходные и взяв таймаут до следующей рабочей недели.

Никто из них не ошибся – уже через два дня провал правительственной политики показал себя во всей красе. Одной из причин стало то, что в игру включились медиа-дельцы, умеющие монетизировать любое общественное событие – профессиональные культиваторы новостей, специалисты по стрижке купонов с резонансных событий, инфлюенсеры и прочие фермеры, умеющие обрабатывать колосающиеся ажиотажем грядки масс-медиа и снимать с них урожай профита: каждый из них сказал себе “Ага!” и потер ладони.

К новости о “зомбирующем тексте” эти люди отнеслись с профессиональным равнодушием и хладнокровием, воспринимая троянца не более чем очередным ивентом, кейсом, предложением для зарабатывания денег на его пиаре и обсуждении. Они не преследовали никаких злонамеренных целей, они всего-навсего делали то дело, которое единственно умели делать. Их не заботили последствия взбивания пены ажиотажа, они даже не претендовали на то, чтобы оценить угрозу от этого – впрочем, это было и невозможно: интеллект этих людей никогда не превышал средний интеллектуальный уровень их аудитории (что, кстати, было вполне закономерно, поскольку в противном случае она бы их попросту отторгла).

В результате их усилий “зомби-рассказ” через пару суток превратился из рядовой шокирующей новости в общественное пугало, получающее со стороны масс-медиа тем большую раскачку, чем больше волнений им удавалось вызывать среди потребителей новостного контента:

“Сколько еще внушающих текстов не выявлено в нашем окружении?”,

“Свежее интервью с зомби, прочитавшими рассказ!”,

“После этого текста я почувствовала, что мной управляют через астрал, и ушла от мужа”,

“Наши мысли навязаны тайным правительством! Я готов раскрыть его местоположение!”,

“Вы не способны понять, что уже стали марионеткой – и это лучшее доказательство!”,

“Внушение через этикетки и ценники – опыт похода в супермаркет”,

“Требуем отменить последние выборы – у нас есть свидетельства, что они прошли под скрытым воздействием на избирателей!”,

“Голливудская звезда отказалась от роли, боясь читать сценарий”,

“Убийство за слишком длинный и стилистически сложный комментарий в соцсети”,

“Профессиональный психотерапевт гарантирует забывание любых текстов за 10 сеансов”,

“Забирайте детей из школ, отбирайте учебники – в XXI веке должны быть только видеоуроки!”,

“Требуем от правительства раскрыть кавычки – создать комиссию по изучению всех текстов, опубликованных с начала века!”,

“Черные очки уже в дефиците, но вы еще успеете купить последнюю пару! Задумайтесь:

ПОЧЕМУ вам КАЖЕТСЯ, что они вам не нужны?”,

“Как я сохранил свое здоровье, ограничившись просмотром комиксов”...

После того, как в игру включились журналисты и прочие спекулянты на злободневной тематике “зомбирующих рассказов” и “манипулирующих текстов”, государственным органам было уже поздно принимать меры по сдерживанию – массовая истерия вошла в так называемый авторезонанс. Обыватели, которых десятилетиями воспитывали на том, что на обратной стороне упаковки каждого продукта должен быть полный список всех составляющих его ингредиентов: усилителей вкуса,

гормональных добавок и прочих ГМО – пришли в негодование, узнав, что существует огромный пласт потребляемого ими контента, в котором им можно скормить нечто такое, что они не способны проконтролировать и с чем не способны совладать.

Когда государство поняло, что на ситуацию придется активно реагировать, для прямолинейных мер время уже прошло. Первая же попытка смягчить общественную панику лишь подогрела ее.

Пресс-секретарь президента выступила с официальным заявлением, в котором подвергла сокрушительной критике преувеличенное внимание народа к якобы гипнотизирующим людей текстам.

После таких заверений волнения усилились еще больше. Граждане страны сделали вполне обоснованный вывод о том, что им нагло врут – большинство из них уже успело ознакомиться с текстом и ощутило на себе его эффект – отсюда следовало, что те, кто врёт, делает это потому, что преследует какие-то отвратительные замыслы. Сами идеи, которые троянец доставлял в сознание, никого не пугали, однако фактом своего существования внушали опасения в том, что наряду с этим текстом возможно существование сотен других – еще не замеченных и действующих скрытно и коварно, каждый из которых может оказаться куда опаснее... Естественно, обыватели не сами додумались до этих тезисов – их заботливо разжевали и вложили им в мозги паразитирующие на сенсации журналисты, стримеры и прочий публично болтающий люд, готовый озвучивать любые тезисы, которые способны привлечь внимание к ним самим. Поэтому население, разогретое подобными намеками, решило, что правительство отрицает либо то, что само осуществляет, либо то, с чем бороться не может или не хочет. Это подняло градус истерии еще на несколько пунктов.

В политических верхах началось брожение, которое, как всегда бывает, первое время сосредоточивалось на одной задаче – каждый старался переложить ответственность на других, пытаясь сохранить свое лицо и не допустить падения репутации своей партии. Группа Илион продолжала работу над проектом, время от времени консультируя испуганных политиков, которые никак не могли разродиться рациональным решением. Между этими двумя мирами, сбиваясь с ног, совершал челночные рейсы взволнованный Уинстон, с каждым днем все больше напоминающий загнанную лошадь, ожидающую отправки в колбасный цех. Вряд ли это были его собственные эмоции, скорее всего, он приносил на себе настроения, доминировавшие в высшем истеблишменте. К сожалению, в группе Илион его панику охладить было некому – несмотря на то, что Тайлеру без труда удавалось сохранять спокойствие, в присутствии советника он старался это не афишировать: когда начальство переживает, демонстрация хладнокровия подчиненных – признак дурного тона.

По правде говоря, спокойствие менеджера объяснялось не только его здоровым эгоизмом и дистанцированностью от политических дрязг, усилившихся на фоне этого кризиса, но и тем, что группа наконец-то начала получать первые результаты – не в последнюю очередь благодаря обилию “полевого материала”, поступавшего к ним со всех сторон. Рано или поздно, в любом процессе, принявшем достаточно массовый характер, обнаруживаются знакомые черты, формируются изученные столетиями паттерны и определяются хрестоматийные векторы – стоит их обнаружить, как тут же найдутся и проверенные временем методики реагирования и контроля. На какое-то время Илион вынужден был отвлечься от стратегической задачи и сфокусироваться на тактическом решении злободневного вопроса...

Наконец, после консультации с президентом и силовиками, в телевизионных новостях выступил министр здравоохранения. На это выступление возлагались большие надежды, поэтому его текст был написан и тщательно выверен лучшими специалистами Илиона. В первую очередь министр описал в наиболее общих и нейтральных формулировках содержание образов, скрывавшихся в троянце, затем выразил абсолютную уверенность в том, что этот текст – единственный из обнаруженных, не забыв заверить аудиторию в том, что работа над его изучением и нейтрализацией ведется, и напоследок посоветовал гражданам страны воздержаться от распространения этого рассказа. В своем

выступлении он несколько раз подчеркнул, что обнаруженные эффекты весьма невинные по содержанию и, в сущности, ограничиваются довольно абстрактными идеями. Как министр здравоохранения, он настоятельно рекомендует гражданам страны на некоторое время ограничить чтение необязательных посторонних текстов любого характера, формата и происхождения.

Те, кто готовил и шлифовал формулировку этого обращения, не сомневались, что в XXI веке просьба воздержаться от чтения будет принята с меньшим сопротивлением, чем это могло бы быть в предыдущих столетиях, когда печатное слово доминировало в доставке информации и предоставлении развлекательного контента. Социологи доказали, что современный обыватель может выйти из себя лишь в том случае, если ему запретят смотреть телешоу, в которых ему задают стандарты жизненного стиля, или если ему помешают обмениваться в соцсетях отредактированными фотографиями, на которых он демонстрирует свои успехи в попытках соответствия этим шаблонам. На этот раз ученые с политиками попали в точку – просьба сработала. Обывателей успокоило то, что правительство знает об угрозе, исходящей от текста, и собирается справиться с ней (из чего самые прямолинейно рассуждающие поспешили сделать вывод, что текст не может являться инструментом, с помощью которого само государство промывает им мозги), поэтому инициатива “текстового карантина” ни у кого не вызвала значительных возражений.

Впрочем, дальше все пошло не совсем так, как ожидали авторы обращения. В первые дни Илион и его кураторы ликовали, наблюдая за тем, как общество, дисциплинированное недавно пережитыми пандемиями, с готовностью “надело маски” и старательно ограничило себя рамками инфо-карантина. Однако, этим реакция запуганного населения не ограничилась. Типичный представитель социума, которому дают какую-либо рациональную идею, редко оказывается способным остаться в ее смысловых рамках: чаще всего он либо начисто отказывается ее принимать, либо настолько старательно ее придерживается, что гипертрофирует её суть до абсурда, быстро превращая любое полезное начинание в полную его противоположность. Уже через день после выступления министра всё население, включая обслуживающих самые низменные его потребности журналистов и прочих дельцов от publicity, стало на разные лады обсуждать одну тему: человека может зомбировать любая пара слов, даже самых невинных, прочитанных им где угодно, хоть на заборе, услышанных им от кого угодно или увиденных где-либо, поэтому самым лучшим и безопасным поведением должно быть исключение из обихода – как бытового, так и профессионального – любых текстов вообще. Правительство лишь намекнуло на это, не говоря прямо, *“но мы-то с вами понимаем, что на самом деле значит их предупреждение!”*

Не успели в правительстве осознать, какую яму они сами себе выкопали, как страну захлестнула тотальная мания избегания любого печатного материала. Родители массово забирали детей из школ, студенты отказывались посещать лекции, юристы боялись открыть незнакомый документ, а бухгалтеры на полном серьёзе спрашивали друг друга, чем их ментальному здоровью может грозить сведение балансовой ведомости (вопрос, которым им вообще-то следовало задаться еще при выборе профессии). В супермаркеты за покупками отправляли престарелых членов семьи с указанием не смотреть ни на что, кроме ценников: *“бабушке уже нечего терять, а ты, сынок, посиди дома, только в интернет не ходи”*, в церквях на предложение *“послушать проповедь”* несколько пасторов чуть не распяли на месте, наркотики взлетели в цене, превратившись в единственно “безопасный” способ расслабиться (аншлаг в публичных домах наступил на неделю раньше), на производстве отказывались знакомиться с рабочей документацией, предпочитая увольнение, а палата представителей решила закрыть деятельность всех своих комитетов и нашла удобный предлог для объявления в своих заседаниях бессрочного перерыва.

Мало кто понимал, что выступление министра не было причиной паники, скорее оно послужило спусковым крючком неизбежной реакции, давно уже ожидавшей разрядки. К этому моменту общество

успело созреть для выплескивания страха в форме какой угодно активности, оно отчаянно нуждалось в совершении самых абсурдных действий, в которых мог бы канализироваться его страх перед неизвестным. Триггер лишь открыл шлюзы для их животных фобий – столь же примитивных по содержанию, сколь чудовищных по форме их реализации. У многих из тех, кто уже успел ознакомиться с текстом, начались истерики. Газеты и онлайн-издания, расхлебывающие последствия собственного профессионализма, ежедневно теряли десятки тысяч подписчиков, сайты лишались посетителей, а самым обновляемым (и читаемым, вопреки всем страхам) новостным разделом стала криминальная хроника, демонстрирующая удручающую статистику участившихся маниакальных выступлений, случаев депрессий и самоубийств.

Средний класс, сохраняя верность себе, в едином стадном порыве устремился вон из мегаполисов. Некоторые решили не ограничиваться полумерами, в результате чего резко взлетели акции бункеров и убежищ, которые из-за своей невостребованности за последние полвека успели заржаветь и покрыться плесенью... В считанные дни коммуникация между людьми сократилась до нуля, все стали предпочитать исключительно голосовое общение, причем некоторые, наиболее критически настроенные мыслители – только в очной форме.

Производственно-экономическая активность какое-то время пыталась выжить в создавшихся условиях, но очень скоро тщетность этих усилий стала очевидна всем, и бизнес свалился в пропасть. Документооборот был практически уничтожен – никто не хотел открывать тексты, даже написанные месяцы и годы назад. Недоверие к печатному слову приняло масштабы, когда люди начали изобретать особые языки, модным стал язык глухонемых, все коммуникации современного общества оказались выхолощенными настолько, что в них остались лишь картинки и видеоклипы с минимумом рефлексии. Впрочем, расплодившиеся на этой благодатной почве теории заговора лишали обывателей всяческих иллюзий и на этот счет – каждая из них сводилась к тому, что зомбирующее внушение может скрываться повсюду.

Стол был длинный и широкий – двадцать квадратных метров лакированного дерева, в глянце которого за годы его стояния в этом зале успело отразиться немало высокопоставленных лиц. Сейчас на нем не отражалось почти ничего – вся поверхность была покрыта распечатками сводок, материалами анализов, графиками статистических выкладок, испещренными пятнами кофе, чашки с которым разнообразили бумажный пейзаж – Илион в неформальной беседе с начальством обсуждал последние события. Планшет Уинстона также был тут, выглядывая из-под чьего-то карандашного наброска гауссианы распределения какой-то реакции – Уинстон не собирался ничего демонстрировать на его экране, сейчас с него было достаточно функции диктофона.

Советник сам предложил, чтобы общение носило как можно менее регламентированный характер, потому что люди, с которыми он хотел поговорить, лучше всего раскрывались только в таком формате. Для поддержки либерального образа он даже надел не свой обычный костюм, а домашний свитер – и теперь был единственным из собравшихся, кто чувствовал себя не в своей тарелке. Зато ученые, которые наконец-то получили возможность донести свои идеи до начальства, минуя Тайлера – пусть даже только на период этой встречи – не скрывали своей радости, заваливая советника интересными фактами, деталями и оригинальными объяснениями, до этой поры отсеивавшимися фильтрами официоза. Сам Тайлер, присутствовавший на встрече в качестве простого наблюдателя, не мог не заметить в таком поведении подчиненных нотки некоторой демонстративности, и сделал для себя ряд выводов.

В помещении стоял шум, какой обычно бывает в больших компаниях, в которых несколько групп собеседников одновременно обсуждают множество тем. Внимание Уинстона привлек один из лингвистов, Робер Булье, отвечавший за машинный анализ текста. Тот беседовал с кем-то, чьей

фамилии советник не знал, но видя, что, Уинстон стал прислушиваться к их беседе, повернулся к нему и, изредка задерживая на нем свой взгляд, дал понять, что адресует свои реплики ему.

– Я понимаю, что госорганы подключены к внутренним провайдерам, – говорил Робер, – в этом свое преимущество. Но сидящие на защищенных линиях плохо представляют себе то, что сейчас происходит на обычных каналах. Мы, кстати, тоже об этом не узнали бы, если бы не заглядывали домой...

Он с гримасой сожаления чуть покачал головой, добавляя интригующую паузу, после чего продолжил, обращаясь прямо к Уинстону:

– Вы еще не слышали о таком явлении, как неолуддиты? Никто еще не рассказывал о том, что происходит с инфраструктурой городских сетей? А между тем, уже появились группы, которые призывают громить любые центры распространения информации – в первую очередь, конечно, самые уязвимые точки: узлы провайдеров интернета, пункты беспроводного доступа в общественных местах...

Уинстон с интересом слушал, незаметно сделав Нилу Торресу знак подойти. Тот поторопился приблизиться и успел услышать главную часть.

– ...явление не настолько распространенное и массовое, чтобы его стали освещать в сети, однако сам факт его появления – это уже маркер общественной паники. Если эта фобия коммуникаций усилится, будет поздно реагировать – попросту не останется рычагов влияния на общество.

На этих словах к их группе присоединился один из математиков, Иво Леманн, и, с интонациями закоренелого педанта, поделился следующими фактами:

– Полностью согласен, сам вчера беседовал со своими соседями. Они живут в пригороде. Кто-то в нашем районе снес трактором недавно установленную башню сотовой связи. Эта башня – часть магистральной коммуникации. Об этом узнали в соседнем районе. Вы думаете, они обратились в полицию? Они не обратились в полицию. Они угнали у фермера трактор, чтобы сровнять с землей вышку, которая стоит в их собственной зоне покрытия. Затем они выкопали оптический кабель на три мили вокруг. А это европейский кабель, очень качественный и дорогой. – после этих слов, видимо решив, что главные тезисы изложены в достаточном объеме, рассудительный немец перешел к выводу: – Если в этой стране не восстановят порядок и подчинение властям, ее ничто уже не спасет, – и, подняв палец, он отчеканил: – потому, что как мы им можем вколотить рассудок?! Представьте себе – те, кто были в тракторе, теперь всем рассказывают, что после этого их самочувствие улучшилось, а думать стало легче! – и Леманн презрительно усмехнулся.

Уинстон улыбнулся ему в ответ, хотя эта гримаса ему, опытному политику, далась с большим трудом. Нил ответной мимикой себя не утруждал – он знал, что эта информация потребует от него совсем иной реакции.

Уинстон постарался успокоить математика:

– Я думаю, вы переоцениваете опасность. Против установки вышек связи периодически выступают те или иные популисты...

Робер Булье не дал ему договорить:

– Думаю, нельзя проводить аналогию по внешней части реакции. Популисты от “зеленых” протестуют против усиления электромагнитного излучения, а в нашем случае идет целенаправленное уничтожение средств коммуникации, как таковых! – он махнул рукой кому-то из знакомых. – Стиан, подойди, расскажи, что ты от своих детей узнал.

К ним приблизился красивый атлетического телосложения норвежец, аккуратно удерживающий дымящуюся чашку с кофе. Понимая, кто будет являться его главным слушателем, он вежливо кивнул Уинстону, улыбнулся и рассказал:

– Я вчера от жены узнал, что ее родственники решили использовать телефон только для отправки смайликов и иконок. Кто-то им объяснил, что это самый безопасный способ обмена сообщениями. Теперь даже простейший диалог: “где ты?”, “в магазине за продуктами”, превращается в какой-то комикс для неграмотных... – он поставил чашку на стол и уже без всякой улыбки продолжил: – Но самое дикое я услышал от своих младших, когда они вернулись из школы. Преподаватель учил их тому, как правильно сворачивать картонный лист, чтобы приклеить его к очкам, защищая взгляд от попадания в поле зрения нежелательных текстов. Честное слово, я не мог поверить в то, что это не шутка! До тех пор, пока они не показали то, что сделали на уроке. Чему их станут учить завтра? Способу укладывания алюминиевой фольги, чтобы защитить голову от излучения?

Кто-то в компании коротко хохотнул, однако смех быстро захлебнулся, поскольку все понимали, что смеяться уже поздно, когда самые глупые шутки становятся реальностью.

Люди, собравшиеся вокруг советника, смотрели на него, ожидая комментариев сказанному. Не было никакого сомнения, что они могут привести еще множество аналогичных фактов и рассказать не об одном абсурдном случае, но и того, что уже прозвучало, было достаточно для того, чтобы Уинстон понимал, что он должен им что-то ответить. В конце концов, у него тоже есть обязательства перед людьми, которые сейчас находились здесь, вместо того, чтобы быть со своими перепуганными семьями. Привычным движением подвинув к себе планшет, он сказал:

– Да... несмотря на то, что мы были готовы к такому развитию событий, некоторые формы, которые оно приняло, оказалось невозможно предусмотреть. Вы поделились тем, что наблюдали сами, так сказать, на бытовом уровне. Всегда существуют ракурсы, с которых положение может показаться еще хуже. Я подчеркиваю – именно показаться. Вам прекрасно известно, что любая сложная система куда прочнее, чем кажется тем, кто владеет лишь информацией о нескольких локальных ее частях. Здесь собрались люди, которые понимают лежащую на них ответственность, поэтому ко всему услышанному я добавлю еще пару штрихов. Пусть они останутся между нами. Случаи, описанные вами, относятся к бытовой сфере проявления паники, но поверьте – это еще цветочки. Известно ли вам, что деловая активность практически коллапсировала? Бизнес мертв, торги на биржах остановлены, все каналы коммуникаций стагнируют обвальным образом, люди избавляются от средств общения – и не только отключаются от соцсетей, но иногда даже боятся позвонить в полицию, чтобы сообщить об ограблении.

Уинстон обвел глазами слушателей и увидел, что вокруг него собрались все присутствующие. Даже Тайлер подобрался ближе, понимая, что сказанное в следующие минуты определит дальнейшую тактику всей группы.

Советник включил планшет, но затем, помедлив пару секунд, выключил его и продолжил:

– Я не могу приводить конкретные примеры, но прошу поверить на слово – социальные катаклизмы подобного масштаба не настолько уникальны, как может показаться... Мы уже сталкивались с ними. Причины, безусловно, были другими, но формы и последствия – сопоставимы с текущими. То, что большинство из вас об этих случаях не знает, означает лишь одно – мы умеем справляться с подобными вызовами. То, что сейчас происходит, это неизбежная реакция, которой нужно дать выход. После этого фобия пойдет на спад – не в своих причинах, но в последствиях. Единственное, что мы можем делать и что мы делаем – точечное урезонивание самых горячих голов, чтобы не дать деструктивным тенденциям зайти слишком далеко. Это юрисдикция силовых структур, – Уинстон кивнул в сторону генерала, – и, поверьте, они с этой задачей справляются, поскольку ничего нового для них здесь нет.

После этих слов Нил Торрес понял, что первым, на кого повесят собак в случае худшего развития событий, будет он. С другой стороны, из тона Уинстона также следовало, что руки у него развязаны.

Советник продолжал:

– Самая сложная задача по-прежнему стоит перед вами, потому, что мы до сих пор не понимаем механизма этого явления. Единственная возможность остановить эту пандемию – найти антидот к тексту или хотя бы понять его механизм, чтобы мы могли обратить во благо то, что сейчас работает против стабильности общества.

Он посмотрел на Тайлера, и тот понял, что пора включаться и диалог.

Менеджер кашлянул и сказал, обращаясь к ученым:

– Время работает против паникеров. Вы сами не раз говорили, что необходимость удовлетворять жизненные потребности скоро восстановит прежние шаблоны поведения. Это неизбежно, потому, что все страхи перед текстом – это обычная боязнь неизвестного. Рано или поздно все обратят внимание на то, что никакого фактического вреда он не приносит. Какова бы ни была потенциальная опасность текста, до тех пор, пока она остается в потенции, с ней придется примириться, приняв факт ее существования, и жить с этим. В сущности, ни один из страхов перед текстом вообще не имеет оснований – каких-либо иных эффектов текст не обнаруживает. А других текстов, как известно, не появилось.

С этим трудно было не согласиться. Кто-то из группы произнес:

– В сущности, это хрестоматия: нужно позволить общественной реакции накопить энергию и совершить разрядку. Пусть разгромят пару вышек или обернут головы фольгой – если им это поможет справиться со страхом, тем лучше для них, а значит и для всех нас.

Тайлер кивнул ему и продолжил:

– Работа есть, продолжаем ей заниматься. Нет худа без добра – мы получили массу полевого материала, пусть не так строго собранного и зафиксированного, как в лабораторных условиях, зато куда более масштабного, чем любые наши выборки.

Раздались восклицания, большая часть которых состояла из признания циничной правоты этих слов.

– Ну да, – ухмыльнулся Робер Булье, – любой эпидемиолог подтвердит, что оценка вирулентности прямо пропорциональна числу умерших от вируса... Идеальная точность наступает с последней жертвой.

– На всякий случай, – раздался бодрый голос одного из стоящих в глубине кибернетиков, – прошу никого из собравшихся не переживать – прошлым летом я закупил для теплиц несколько рулонов алюминиевой фольги. Их хватит на весь Илион и даже останется на правительство.

– С членов “королевской семьи”, – тут же подхватил Булье, – за каждый рулон бери не меньше двух луидоров!

И Уинстон с удивлением обнаружил, как совершенно искренне присоединился к общему смеху.

Перед тем, как попрощаться с группой, советник обратился к ученым с вопросом, который специально приберег напоследок.

– Что мы знаем об авторе троянца? – спросил он и посмотрел на тех, кто стоял ближе всех.

Ответом было неловкое молчание. Возможно, до них только сейчас дошло, что этот вопрос они давно должны были задать себе сами. Уинстон коснулся планшета, помедлил и продолжил:

– Дело вот в чем. Публикуя своего троянца этот человек, безусловно, хотел чего-то добиться. Тот, кто выложил текст в сеть, понимал, что он привлечет внимание, что им серьезно займутся. Крайне сомнительно, что это было сделано исключительно ради забавы. Стало быть, делая это, он преследовал какие-то цели. Я уверен, что эту сторону вопроса нам нельзя обходить стороной. Нужно выяснить как можно больше о том, кто стоит за троянцем – один человек или несколько, его мотивы, характер и так далее. Возможно, это поможет лучше понять сам текст, не знаю... Но и сама по себе эта информация также немаловажна. Наши люди все еще пытаются обнаружить его, но пока это не

принесло результатов, поэтому я хочу попросить вас набросать его портрет – на основании того, что он нам оставил. Что можно сказать об авторе по его произведению?

Уинстон попрощался и ушел, забрав с собой генерала. Оставшаяся с Тайлером группа занялась обсуждением его слов.

Как и предсказывали, истерия с паникой продержались не дольше недели. Подобно всякой волне, которая, достигнув пика, быстро откатывается обратно, социальное напряжение так же неизбежно стало возвращаться к норме, разрядившись в стандартном наборе параноидальных проявлений. Правда, откатываясь назад, эта волна оставляла после себя намытую пену фобий и боязней, которые, наряду с прочим мусором в виде разрушенных экономических связей и сломанного документооборота, еще долго украшали ландшафт некогда живописных социальных пастбищ и плодородных лугов бизнес-отношений.

Человек не был бы человеком, если бы не умел приспосабливаться к любым условиям своего существования. Убедившись, что эффект троянца ограничивается странными и столь же абстрактными, сколь неодолимыми идеями, все смирились с его существованием, как с еще одной данностью, с которой им придется дальше жить. В этом населению немалую помощь оказало правительство, которое заботливо отвлекало его внимание, подбрасывая в медиaprостранство срежиссированные сенсации из сферы шоу-бизнеса и скандалы из мира финансов и политики, проводя заманчивые торговые мероприятия, распродажи и прочие шоу в театре консюмеризма. Также угасанию ажиотажа способствовали ангажированные эксперты, независимые от всего, кроме финансовых морковок, журналисты, публичные лица, популярные шоумены и прочие инфлюенсеры, готовые озвучивать любые идеи по утвержденному прейскуранту (или по звонку от разнообразных государственных ведомств, имеющих к ним свои вопросы). Были задействованы все те отвлекающие внимание обывателей приемы, которые использовались в обычное время. Отлаженный механизм не дал сбоя – бизнес-процессы постепенно стали восстанавливаться, народ прекратил уничтожение телевизионных кабелей, вылез из блиндажей и подвалов, и мало-помалу начал возвращаться в успевшие покрыться пылью офисы.

Конечно, о возвращении прежней легкости коммуникации и интенсивности течения производственных процессов рано было мечтать – в обществе еще прочно держалось недоверие ко всем текстам. Иррациональные страхи невозможно изжить полностью, их можно лишь камуфлировать или прикрывать – чаще всего такими же иррациональными приемами. Так, например, возник целый спектр платных услуг, одной из которых была продажа защитных обфускаторов – компьютерных программ, которые переставляли буквы в словах текста для того, чтобы “разрушить зомбирующий эффект сообщения”. Несмотря на то, что никто не обосновал какую-либо функциональную пользу этого инструмента, для потребителей это не играло роли – им нужно было иметь хотя бы что-то в своем арсенале, что выполняло бы номинальную роль “защитника”. Правда, после такой обработки читабельность текста в значительной степени утрачивалась, иногда вместе со смыслом, но на эти жертвы шли с готовностью. Впрочем, большого распространения это плацебо не получило – подобные программы не были способны защитить от ранее напечатанных текстов, да и в бизнесе были неприменимы – ни один юридический документ не мог быть подписан в том виде, который он принимал после обработки “очистителем внушения”... Таким образом неизбежные ограничения и объективные потребности вынуждали людей принимать единственно доступную им реальность, как естественное положение вещей. Это постепенно приводило к тому, что паника спадала, оставляя после себя лишь нервозность, неуверенность и сопутствующую им досаду. Но с ними народ боролся привычными и давно опробованными методами – самоиронией, черным юмором и анекдотами,

камуфлирующими фрустрацию, вызванную дискомфортом, от которого полностью избавиться было невозможно.

Ответы на свои вопросы советник получил в следующем отчете Тайлера. Результаты структурного и лексического анализа текста гласили: стилизация под заурядную бульварную прозу, выполненная образованным человеком, не обладающим значительным литературным опытом. Вероятнее всего – кабинетный работник, социопат, наверняка не писатель, возможно даже не гуманитарий. Налицо явное пренебрежение рядом необходимых требований, непозволительное для опытных разработчиков подобных сюжетов, и при этом – схематичность, свидетельствующая об утилитарном отношении автора к тексту. Без сомнения, выбор сюжета обусловлен исключительно задачей привлечения максимально большой аудитории – интрига шаблонная и ориентирована на доминирующую группу потребителей непритязательного чтения. Сам рассказ достаточно короткий для того, чтобы все, кто его начал, дочитали до конца. Вывод: единственная цель текста – самораспространение путем реализации в себе типовых аттракторов внимания, эксплуатируя слабые места транспортных агентов. Что, в совокупности, характеризует классический вирусный механизм.

Форма, которую автор выбрал для троянца в качестве обертки, а также использованные стилистические обороты и метафоры, позволяют предположить у автора индивидуалистический характер, наличие чувства юмора, скептический ум, лишенный сантиментов. Высока вероятность социопатии.

Фабула и приемы развития сюжета явно рассчитаны на охват наиболее широкой аудитории – от малообразованных потребителей, до претенциозных интеллектуалов. О последнем свидетельствует наличие в тексте несложной символики, позволяющей читателю, позиционирующему себя “выше среднего уровня”, обнаружить в нем несложные метафоры и аллюзии (лежащие, впрочем, на поверхности).

При этом автор не стесняется демонстрировать отсутствие пиетета к различным категориям читателей, начиная от потребителей низкоуровневого чтения, заканчивая интеллектуальствующими эстетами – что следует из самого факта подобного смешения различных групп и пренебрежения к таргетирующим нормам. Последнее еще раз свидетельствует об авторской мизантропии и, возможно, некотором цинизме – его отношение к читательской аудитории одинаково презрительное, своим приемом он помещает на одну ступень любителей романтического примитива и образованных снобов.

На поиски в троянце некоего “третьего плана” группа рекомендует не тратить времени и усилий, поскольку до сих пор не обнаружилось ни одного свидетельства его существования. Основной (и можно даже сказать – единственный) след, который троянец оставляет после своего прочтения, ограничен уже известным феноменом. То, что автор, внеся подобное возмущение в социальную среду, сумел остаться в тени и более ничем себя не обнаружил, говорит о том, что он полностью достиг своих целей. Судя по всему, его задачей было не причинение ущерба или получение какой-либо выгоды от публикации текста, а донесение обществу некоего меседжа. Все это подтверждает ранее высказанное предположение, что он не представляет интересы какой-либо организации, действуя как одиночка, лишенный тщеславия и честолюбия (что укладывается в озвученную выше модель поведения социопата).

Остальные предположения об авторе текста имеют недостаточный уровень вероятной релевантности, поэтому в отчет не включены, кроме выводов о его возрасте и поле: 85% того, что это мужчина старше средних лет.

Говоря об авторе троянца, нельзя не затронуть вопрос о выборе им текстового формата. Почему именно он, а не более популярное видео или аудио? Когнитивные лингвисты считают, что теоретически видеоряд способен выступить контейнером для скрытого сообщения (хотя ни один из них не может

объяснить, как именно это реализовано в данном тексте), но для воплощения такого рода идей в видео формате требуется весьма сложное техническое оснащение и опыт, которые, скорее всего, превышают возможности автора. Это подтверждает версию индивидуала, действующего без связи с корпоративными структурами. Что же касается аудио, то этот канал почти наверняка исключает возможность надежной транспортировки скрытого контента – в силу неопределенности создаваемых им образов и крайней индивидуалистичности его восприятия в каждом конкретном случае.

Исследователи признают, что автору текста удалось в изящной и лаконичной манере выразить сообщение, которое не только содержит некое утверждение, но и само служит ему подтверждением – если бы троянец заключал в себе ложную информацию, он бы не сработал, и этот текст не мог бы распространяться, оставшись без внимания.

В заключение ученые еще раз выразили уверенность в том, что троянец ограничен тем сообщением, которое он уже проявил, причем наиболее удачным его описанием считают следующую формулировку из обобщенного перечня: *“изначальное отношение к реальности при помощи неких описательных приемов можно дополнить такими образами, которые изменяют восприятие этой реальности или даже раскроют новые грани в ней самой”*. Относительно последней части этого определения мнения разделились – половина ученых была уверена, что онтологическая составляющая в отзывах респондентах обусловлена искажениями и гиперболизацией, неизбежными ввиду сложности вербализации воспринятого эффекта.

Дойдя в отчете до этого места, Уинстон задумался, затем одним жестом выделил фрагмент текста и добавил комментарий: “Не тратьте время на онтологию, сосредоточьтесь на механизме импринтинга идей”.

Дочитав отчет Тайлера до конца, советник отправил письма с комментариями двум адресатам: самому Тайлеру и тому человеку, чей портрет висел в кабинетах их необъятного ведомства. В письме к последнему комментарии Уинстона были обширнее, изложены другим языком, причем каждое предложение в них сопровождалось не уступавшей ему в объеме аргументацией. В одном из этих комментариев советник сообщал, что технология троянца предоставит им инструмент пропаганды, не сравнимый ни с чем по своей эффективности, и обеспечит такое преимущество, какое дает лишь обладание уникальным оружием, превосходящим все арсеналы противников на целое поколение. Спектр применения этого инструмента трудно очертить, но несомненна важность открытия его первыми. Поэтому Уинстон настоятельно советует: увеличить на порядок расходы на безопасность, усилить контроль над связями исследователей с внешним миром, начать глубокий мониторинг возможных параллельных разработок, которые могут проводиться кем-либо еще. Резонанс, который получил эффект троянца в их стране, не мог не привлечь внимания геополитических противников или сопоставимых с ним структур, способных распознать потенциал этого текста.

продолжение следует